

Иван Панаев

Шарлотта Федоровна

Иван Иванович Панаев
Шарлотта Федоровна
Серия «Очерки из
петербургской жизни»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=660355

Аннотация

«Я шел по Невскому проспекту утром на второй день масленицы. Молодой, только что выпущенный гусар, еще без усов, сын одной моей старинной знакомой, за которым ехали сани парой с крутозавившейся на отлете пристяжной, на которую он беспрестанно оглядывался, остановил меня восклицанием:

– *Charme de vois voir!...*»

Содержание

* * *

Конец ознакомительного фрагмента.

4

15

Иван Иванович Панаев

Шарлотта Федоровна

(Вовсе не детский рассказ)

* * *

Я шел по Невскому проспекту утром на второй день масленицы. Молодой, только что выпущенный гусар, еще без усов, сын одной моей старинной знакомой, за которым ехали сани парой с крутозавившейся на отлете пристяжной, на которую он беспрестанно оглядывался, остановил меня восклицанием:

– *Charme de vois voir!*

– Здравствуйте, – отвечал я.

– А что, вы будете, – продолжал гусар, вставляя в глаз стеклышко и смотря на меня, хотя он мог видеть меня легко простым глазом, потому что мы стояли лицом к лицу, – будете завтра на пикнике, который устраивает Шарлота Федоровна?

– Что такое? – спросил я.

Он повторил свои слова.

– Шарлота Федоровна! А-а! Так Шарлота Федоровна дает пикник?

– Да завтра, батюшка, весь город там, все наши!

– Весь ваш полк?

– Нет, *quelle idee!* я разумею все наши, то есть все порядочные люди... Сережа Вельский, Саша Гребецкой...

– Вот что! Ну прощайте, желаю вам веселиться, – сказал я.

Пройдя несколько шагов, я был опять остановлен, но на этот раз моим старым приятелем.

– Очень рад, что я тебя встретил, – сказал я ему, – мне ты нужен. Я хотел зайти к тебе завтра вечером, чтобы переговорить об одном деле.

– Завтра?.. пожалуй... – отвечал он нерешительно и как будто припоминая что – то. – Ах нет, завтра не могу. Я совсем забыл, завтра я на пикнике у Шарлоты Федоровны...

Опять Шарлота Федоровна!

– Да что это за пикник? – спросил я.

– Я ничего не знаю, мне навязали билет, и я заплатил за него двадцать пять рублей. Заплатив такие деньги, нельзя же бросить билет в печку: к тому же мне любопытно посмотреть, что это такое; говорят, там будут все известные хорошенькие петербургские женщины. Поедем-ка. Это, право, любопытно.

– Не знаю, может быть, – отвечал я, простившись с моим приятелем.

В этот день я обедал у Донона.

Против меня сидели два молодых человека, неизвестных мне. Они разговаривали очень громко, смешивая русскую

речь с французскими фразами, пересыпали разговор блестящими аристократическими именами, одеты были франтовски, называли всех лакеев по именам, обращались к самому Дону с дружескою фамильярностью, несмотря на то, что Донон оказывал им совершенное хладнокровие, и посматривали на меня и на других обедавших в этой комнате с таким выражением, как будто хотели сказать: «Что вы за люди? откуда вы?» Нетрудно было догадаться, что эти джентльмены средней руки принадлежали к тому многочисленному классу петербургских праздношатающихся, для которого беспечное стремление к *comme il faut* есть цель всей жизни, а величайшее счастье и благо – достижение чести пройтись по Невскому проспекту или посидеть в театре в первом ряду кресел с каким-нибудь князем, графом и вообще великосветским господином. Джентльмены эти кушали блины с икрой и запивали их холодным шампанским.

– А я с нетерпением жду завтрашнего дня, – сказал один из них так, чтобы все мы слышали. – Я уверен, что будет чудо как весело. Уж если за это взялась Шарлота Федоровна, я уверен, что все будет устроено отлично. Ah! Elle a du chic, cette femme, cher ami! Прелесть что за женщина! Я вчера был у нее целое утро с Сережей Вельским...

– Арманс приготовила для этого пикника удивительный туалет, – возразил другой.

– Но все-таки, – перебил первый, – Шарлота Федоровна будет la reine du bal... Il n'y a pas de doute...

Пикник и Шарлота Федоровна преследовали меня целый день.

Пикник этот, как я слышал на другой день, действительно удался. Все самые ценные петербургские камелии участвовали в нем... Туалеты их были блистательны, кринолинные юбки поражали своими размерами: дамы эти, несмотря на их изящный вкус, любят немного преувеличивать моду. Вся великосветская молодежь, военная и штатская, присутствовала на этом пикнике со своими двойниками и подражателями. Для пикника этого нанята была одна из больших меблированных дач Лесного института, ужин готовил Дюссо, конфеты и мороженое были от Сальватора, оркестр конногвардейский. Танцевали до шести часов утра. Царица бала была действительно, по общему сознанию, Шарлота Федоровна. Ее туалет убил все туалеты, и, в самом деле, он отличался неслыханным вкусом и удивительно шел ей к лицу. Все дамы, даже те, которые считались самыми близкими ее приятельницами, кипели, как следовало ожидать, против нее в этот вечер непримиримую враждою и мучительною завистью. Арманс отпускала на ее счет разные колкости. Успех Шарлоты Федоровны злобно одушевлял ее. Она пустила в ход всю свою французскую любезность и живость и в контрадансах так ловко и беззастенчиво канканировала, что многих привела в восторг и возбудила самые энергические рукоплескания. Но такая безграничная веселость Арманс привела в негодование Шарлоту Федоровну. Шарлота

Федоровна была оскорблена неприличным поведением этой француженки, потому что Шарлота Федоровна корчила, говорят, великосветскую даму и танцевала с необыкновенным чувством достоинства.

Что такое Шарлота Федоровнам, читателю, даже иногороднему, объяснять, я полагаю, не нужно. К тому же я представлял несколько очерков такого рода дам, и если я снова обращаюсь к этим дамам, то это не оттого, чтоб я питал к ним особенную нежность; не потому, чтоб я слишком увлекался ими и находил особенное удовольствие говорить о них... Но нельзя не обратить внимания на то, что в последнее время эти размножающиеся с каждым днем дамы начинают играть роль довольно заметную, выходят иногда из своей сферы и приобретают вне ее силу и значение. С этими прелестными Луизами, Бертами, Армансами и Шарлотами Федоровнами, которые бросаются в глаза всем роскошью, выходящею из всех границ, соединяются, быть может, вопросы весьма серьезные. Эти госпожи – явление не случайное, и рассказы об них могут быть не одною пустою и праздною болтовнею, потому что из этих рассказов читатель, наблюдающий и размышляющий, может извлечь некоторые данные, не лишенные любопытства, о жизни и о степени нравственного состояния некоторого класса общества.

Шарлота Федоровна в сию минуту львица между всеми этими дамами. На нее обращено великосветское внимание, об ней толкуют во всех кружках петербургского общества, ее

знают все... по крайней мере по имени. Она самая модная из всех камелий; об ее роскоши рассказывают баснословные анекдоты даже на Петербургской стороне, и я теперь передам моим провинциальным читателям (для петербургских все это уже неинтересно) некоторые самые любопытные черты из ее жизни.

Шарлота Федоровна появилась в Петербурге лет восемь тому назад. Она вывезена была из какого-то немецкого городка и первое время после своего приезда называлась Иоганной. Под этим именем она была известна всему богатому и веселящемуся Петербургу. Иоганне было тогда девятнадцать лет. Она не могла не обратить на себя особенного внимания знатоков. Они приходили прежде всего в восторг от ее ручки и ножки. Иоганна в этом случае была исключением из немок, потому что немки вообще не отличаются красотой ног и рук. Потом знатоки приходили в восторг – и совершенно справедливый – от ее гибкой и тонкой талии, от изящной формы ее плеч, сквозь прозрачную белизну которых виделись тоненькие голубоватые жилки, от ее удивительно тонкого профиля, от особенно симпатического выражения ее лица, оживленного синими продолговатыми глазами, в которых иногда сверкали какие-то искры, и от густой, падавшей до колен косы пепельного цвета. Те, которым этот портрет покажется преувеличенным, могут посмотреть в сию минуту на Шарлоту Федоровну в опере, на гуляньях или, наконец, быть ей представленными, чтобы убедиться,

что я не прибавил к нему ни одной черты, потому что с тех пор она мало изменилась. Несмотря на это, прежнюю Иоганну нельзя почти узнать в настоящей Шарлоте Федоровне. Иоганна одевалась или, вернее сказать, ее одевали без всякого вкуса, волосы причесывали какими-то безобразными колечками и завитками. Иоганна совсем не умела держать себя и, ломаясь, повторяла своим неотвязчивым поклонникам: «Lassen Sic mich». Превращаясь постепенно из Иоганны в Шарлоту Федоровну, она обнаружила удивительную наблюдательность и необыкновенную способность воспринимать весь наружный блеск, все внешние условные формы со всеми их тонкими и неуловимыми для простого глаза оттенками. Через три года после своего приезда в Петербург, когда она под покровительством какого-то господина, влюбившегося в нее, обзавелась своим маленьким хозяйством и квартиркой, – ее нельзя было узнать. Она сделалась развязною, начала болтать довольно порядочно по-русски, перестала говорить Lassen Sic mich, обнаружила вкус в выборе своих туалетов и вела себя с таким тактом и с такою скромностью, что на улице или в театрах ее можно было бы принять за порядочную женщину, если бы не сопровождавшая ее толстая наперсница очень странного вида, в желтых, довольно грязных перчатках и в поношенной французской шали, которая бросала на нее невыгодную и подозрительную тень. По мере того как средства Шарлоты расширялись, жажда блеска и роскоши росла в ней, раздражаемая примерами Берты, Лу-

изы и других, которые еще обращались с нею тоном покровительства и допускали ее только иногда, в те часы, когда у них никого не было, в свой блестящий круг. Экипажи Фребелиуса, туровские и гамбсовские мебели, лакеи со штиблетами не давали ей покоя. Но она смотрелась в зеркало, задумывалась на минуту, синие глазки ее загорались искрами, и, лукаво улыбаясь, она почти вслух говорила самой себе: «У меня непременно будет все это!»

И действительно, не прошло года, как в один прекрасный солнечный день на Дворцовой набережной, в час гулянья, промчалась темная коляска безукоризненного вкуса, запряженная парюю темно-серых рысаков, с толстым кучером на козлах, с огромной черной бородой, и с тоненьким лакеем в гороховом сюртуке и штиблетах, с небольшою кокардою на круглой шляпе и со сложенными накрест руками, – коляска, в которой сидела, прислонившись к одному углу с очаровательной небрежностью, прелестнейшая женщина с пепельными волосами, в восхитительном туалете.

Все глаза, стеклышки и лорнетки обратились на эту коляску...

– Кто это? Что это такое? *Quelle jolie femme! Charmante!* Просто чудо! – посыпались вопросы и восклицания со всех сторон.

– А я знаю, кто это, – сказал с некоторым торжеством один из гулявших.

– Ну, да говорите же кто! – воскликнуло несколько голо-

сов с нетерпением.

– Шарлота.

– Какая Шарлота?

– Ну, просто Шарлота. Она, говорят, живет с каким-то купцом.

Имя Шарлоты начало переходить от одного к другому, и известность ее в эту минуту была уже упрочена. Никому и в голову не приходило, что эта прелестная женщина была некогда известна многим из них под именем Иоганны.

Целую неделю после этого великосветская петербургская молодежь только и толковала о Шарлоте. Вслед за тем Шарлота начала являться в абонированной ложе в опере и во всех бенефисах в балете, производя неописанный эффект. Вся блестящая молодежь уже увивалась около нее.

Совершенное невежество и неумение говорить выкупалось в ней природной хитростью и ловко усвоенными ею грациозными движениями и живописными позами, которые она принимала в известные минуты с величайшим искусством и необыкновенно привлекательною улыбкою, во время которой лицо ее имело такое выражение, которое так невольно и влекло к ней... Безграмотность и невежество (Шарлота с трудом подписывала свое имя) нимало, впрочем, не вредили ей; все эти блестящие господа, окружавшие ее, не были прихотливы на этот счет, потому что сами они от Шарлоты отличались только тем, что свободно болтали по-французски и читали романы Фудра и Дюма, о которых Шарлота, разу-

меется, никогда не слыхала.

Хотя Шарлота одинаково, по-видимому, кокетничала со всеми, но наблюдательный глаз мог заметить, что она начинает обращать особенное внимание на одного из них... я назову его хоть князем Езерским, потому что надобно же хоть как-нибудь назвать его. Он и она как-то уж слишком часто поглядывали друг на друга, и между им и ею начались уже телеграфические знаки. Шарлота чувствовала к нему влечение прежде всего потому, что он носил громкое имя и очень основательно считался тончайшим цветом великосветскости и образчиком военного *comme il faut*. Действительно, никто не привешивал с таким искусством аксельбанта, никто так ловко не пристегивал эполет, ни у кого не было сюртука такого покроя, никто так ловко не носил своей сабли, ни у кого из-под широких рукавов сюртука не выглядывало белье такой удивительной белизны и тонкости, ни у кого не было таких изящных запонок и английского пробора, расчесанного с таким искусством; никто не был так смел с женщинами и никто не танцевал ловче и лучше его. Он породил тьму подражателей; к тому же весь город кричал об его неслыханных успехах между женщинами и особенно о его победе над одной великосветской барыней, которая почему-то преимущественно обращала на себя внимание Петербурга. Шарлота очень хорошо понимала, что близость ее отношений к этому человеку придаст ей еще более блеску и что Берта, Луиза, Арманс с ума сойдут от зависти, узнав об этом, потому

что и Берта, и Луиза, и Арманс наперерыв друг перед другом употребляли всевозможные ухищрения кокетства, чтобы завлечь князя в свои сети. Замечательно то, что все эти дамы не имели относительно его никаких корыстных целей, потому что состояние его (это знали все) было очень расстроено и ограничено. Каждая из них, соблазненная единственно блеском его имени, его светскими успехами и тою ролью, которую он играл между великосветскою молодежью как утонченнейший представитель *comme il faut*, руководилась одною только соблазнительною мыслию иметь его своим другом, своим Артюром, как говорят французы, своим *amant de coeur*, потому что эти дамы не могут обходиться без Артюров. Отдаться бескорыстно человеку незначительному и темному нет никакой выгоды. Необходимо, чтобы Артюром удовлетворял по крайней мере хоть тщеславию, чтобы частицу своего блеска он уделил своей возлюбленной, чтобы он был или модный художник, или необыкновенный артист, или безукоризненный *comme il faut*; чтоб он был непременно героем в каком бы то роде ни было, чтобы об нем везде и все кричали, чтобы ему удивлялись, завидовали, подражали и рукоплескали...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.